

К вопросу о классовой политике в енисейской деревне в 1917-1937 годах

М.Д. Северьянов^a, Л.Ю. Анисимова^b, Р.И. Мальцев^c

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия

^a severyanov-vanya@mail.ru, ^b severyanova@mail.ru, ^c rus86malt@yandex.ru

Статья поступила 14.03.2023, принята 17.03.2023

В статье рассматриваются вопросы классовой борьбы в период с 1917 по 1937 гг. в сибирской деревне. Анализируется процесс классовой борьбы в различные периоды, такие как Гражданская войны 1917–1922 гг., нэп 1922–1927 гг., коллективизация 1929–1931 гг. В каждом из перечисленных периодов на пути к построению социализма процесс классовой борьбы обладал своей спецификой. Особую роль в ходе классовой борьбы играли органы правопорядка, в частности, органы государственной безопасности (ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД), которые являлись инструментом осуществления политики большевиков.

Ключевые слова: классовая борьба; коллективизация; раскулачивание; Гражданская война; нэп; ОГПУ; крестьянство; партизаны.

On the question of class politics in the Yenisei village in 1917-1937

M.D. Severyanov^a, L.Y. Anisimova^b, R.I. Maltsev^c

Siberian Federal University; 79, Svobodny Pros., Krasnoyarsk, Russia

^a severyanov-vanya@mail.ru, ^b severyanova@mail.ru, ^c rus86malt@yandex.ru

Received 14.03.2023, accepted 17.03.2023

This article deals with the issues of class struggle, in the period from 1917 to 1937 in a Siberian village. The process of class struggle is considered in various periods, such as: the Civil War of 1917-1922, the New Economic Policy of 1922-1927, the collectivization of 1929-1931. In each of these periods on the path to building socialism, the process of class struggle had its own specifics. A special role in the course of the class struggle was played by law enforcement agencies, in particular the state security agencies (All-Russian Special Commission for Combating Counter-revolution, Sabotage and Speculation (VChK) – State Political Directorate (GPU) – Joint State Political Directorate (OGPU) – People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD)), which were an instrument for implementing the policy of the Bolsheviks.

Keywords: class struggle; collectivization; dispossession; Civil War; NEP (New Economic Policy); OGPU; peasantry; partisans.

Процесс становления советской власти в России сопровождался сломом многовековых устоев. Большевики определяли себя как силу, ведущую к победе авангард российского пролетариата в борьбе с остальными классами, которые были чужды рабочему классу. После завершения Гражданской войны, в которой большевики одержали победу, часть враждебных для большевиков классов была либо уничтожена, либо эмигрировала. Самым массовым классом в России было крестьянство. Процесс борьбы с крестьянством был начат в годы НЭПа, при том, что во многом благодаря крестьянству страна стала выходить из системного экономического кризиса. Решительная борьба с крестьянством была развязана в годы коллективизации, которая

была сопряжена с раскулачиванием. В советской историографии процессы коллективизации и раскулачивания описываются как достижение большевиков (ввиду господства коммунистической идеологии в исторической науке). Начиная с 1985–1991 гг. стали открываться архивы, что позволило по-новому взглянуть на процесс борьбы большевиков с крестьянством. Целью данной работы является исследование этапов реализации классовой политики в енисейской деревне. В ходе реализации данных этапов большую роль играли органы государственной безопасности. Органы государственной безопасности являлись частью ветви исполнительной власти СССР, что во много определяет те задачи, которые они решали. Кризисные явления в

советский действительности привели к проведению НЭПа, а после его свертывания — к необходимости проведения мероприятий, направленных на «раскулачивание» и «коллективизацию», в рамках которых органы ОГПУ, возвышенные к этому времени над другими органами правопорядка, решали несвойственные для специальных служб задачи.

С октября 1917 по 1937 г. в России произошел целый ряд значимых событий, согласно которым мы выделяем несколько периодов в нашем исследовании: 1917–1922 гг. (Гражданская война), 1922–1927 гг. (НЭП), 1928–1931 гг. (коллективизация). Важно отметить, что специфика классовой борьбы в каждом из данных периодов зависела от этапа построения социализма, что предопределило роль органов государственной безопасности в каждом из этапов.

Хронологические рамки данной работы обусловлены нашим видением дат начала и завершения Великой российской революции: верхняя рамка определена 1917 г., так как Октябрь 1917 г. является началом победы революции, а 1937 г., по марксизму-ленинизму, является годом построения социализма; период с 1917 по 1937 гг. является переходным периодом от капитализма к социализму. В период с 1917 по 1937 гг. органы государственной безопасности прошли путь: ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД.

В целях написания данной работы авторами использовался марксистский подход, который позволил выявить суть теоретических изысканий теории классовой борьбы и понять, каким образом она была реализована на практике. Также был использован историко-системный подход, который позволил рассмотреть государственные и партийные органы РСФСР-СССР с точки зрения единой системы, где вся полнота власти и побуждений принадлежала партии большевиков, а органы государственной безопасности были инструментом реализации политики большевиков.

В отечественную историографию такие термины, как класс, классовая борьба во многом вошли стараниями В.И. Ленина, который, будучи главным теоретиком марксизма-ленинизма, был его же практиком. Взяв за основу труды К. Маркса, он стал развивать теоретическое осмысление процесса классовой борьбы. Таким образом, он пришел к следующим основным выводам по вопросам классовой борьбы: «борьба классов является двигателем исторического процесса»; «главной задачей социал-демократии является организация и ведение классовой борьбы пролетариата с целью обретения им политической власти и организации социалистического общества»; социал-демократия не будет защищать интересы крестьянства как класса, в то время как она защищает интересы

рабочих, которые способны организовать поистине революционное движение; крестьяне — это класс реакционный, что делает его «врагом» рабочих; крестьяне — это спекулянты (или полуспекулянты), ввиду чего считаются врагами государства; «пока существуют классы, неизбежна классовая борьба»; «завоевание политической власти пролетариатом не прекращает классовой борьбы его против буржуазии, а, напротив, делает эту борьбу особенно широкой, острой, беспощадной»; «революция — высшая форма борьбы классов» [1; 2].

Отдельно рассмотрим принятие в числе первых Декрета о земле в плане его отождествления с основными выводами В.И. Ленина о классовой борьбе в отношении крестьянства. Здесь важно учитывать, что вооруженные силы Российской империи, а точнее, их рядовой состав, практически полностью состоял из бывших крестьян, ими же были мобилизованные в годы Первой мировой войны. Здесь, собственно, и видится важность принятия в числе прочих именно данного декрета. В.И. Ленин прекрасно понимал, что без боя капиталистические классы сдаваться не будут, и предстоит жестокая схватка, в которой решающую роль будет играть численность вооруженных сил, готовых отстаивать ту или иную сторону. Численность рабочих, представляющих класс пролетариата, была крайне мала, что, собственно, и подтолкнуло к идее «переманить» на сторону большевиков крестьян. Рассматривая специфику енисейской деревни, мы говорим о том, что на данных территориях не было помещичьих земель (грабить было нечего), что в корне отличает позицию крестьян енисейской деревни от крестьян Европейской части России. Что стало следствием недолгого пребывания у власти на территории Енисейской губернии советской власти. В ходе белочешского мятежа крестьяне не стремились пополнять ряды Красной Армии, что привело к переходу власти в Енисейской губернии к Временному сибирскому правительству. Которое, однако, не смогло воспользоваться ситуацией и привлечь на свою сторону крестьянство — ни как мобилизационный резерв, ни как продовольственный резерв. В наказание крестьяне в енисейской деревне были подвержены колчаковцами следующим видам наказания: «более 14 тыс. человек выпороты плетью; 10 тыс. человек расстреляны или повешены. Также было изъято 1,5 млн пудов хлеба; разорено 9 тыс. крестьянских хозяйств» [2, с. 52].

Итогом деятельности белых военачальников стал процесс перехода крестьянства, которое, по Ленину, было противником пролетариата как класса, в стан пролетариата (добровольцы в Красную армию, создание отрядов красных партизан) с целью борьбы с белыми (которые

представляли капиталистические классы). С уверенностью можно говорить о том, что белое движение, потеряв мобилизационные и продовольственные резервы в Европейской части России, после выхода Декрета о земле эти же мобилизационные и продовольственные резервы потеряло и на территории Енисейской губернии, так как не смогло организовать нормальный, адекватный диалог с крестьянскими массами, предпочитая угрозы и насилие. Что во многом и стоило им поражения, так как мобилизационный резерв из числа крестьян восстал против белых, сначала в виде партизанских отрядов, которые с течением времени частично влились в Красную армию. Были отмечены случаи перехода белых частей в полном составе на сторону красных партизан.

На момент 1920 г. в стране Советов «было более 100 млн крестьян, из которых в Сибири проживало около 8 млн. При том, что эти 8 млн обеспечивали до 1/3 продовольственных заготовок». Что позволяет говорить о существовании крепких хозяйств в енисейской деревне. Но в ходе реализации политики военного коммунизма, сопряженной с продразверсткой, более 1 млн были признаны голодающими, что, собственно, и привело к крестьянским восстаниям. Руководством страны в целях ликвидации данных восстаний формировались части особого назначения (ЧОН), которые состояли из «сельских коммунистов и бывших партизан» [2, с. 63].

Одним из элементов классовой борьбы в сибирской деревне был процесс, направленный на уравнивание в рамках одного класса – крестьянства «таких видовых групп, как: инородцев, казаков, крестьян-старожилов и переселенцев». Данный процесс был осуществлен в 1920 г. посредством утверждения Сибревкомом декларации «О порядке выделения и пользования землей», в которой говорилось об «уничтожении податных различий сельских жителей». Однако между бывшими видовыми группами в течение 1920-х гг. возникали затруднения в отношении земельных вопросов [3, с. 84].

Процесс уравнивания «видовых групп» в рамках одного класса был осуществлен с целью разделения всех крестьян на категории бедняков, середняков и зажиточных, которое было осуществлено в годы НЭПа.

20 декабря 1917 г. была организована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) при СНК. Главной задачей ВЧК была «борьба с контрреволюцией и саботажем» [4, с. 10].

ВЧК осуществляла решение по большей части специальных задач военного времени, таких как пресечение и ликвидация контрреволюционных выступлений и саботажа, борьба с заговорами,

мятежами, антисоветской пропагандой и агитацией, шпионажем и диверсиями, охрана железнодорожных и водных перевозок, государственной границы, разведка и контрразведка.

С весны 1918 г. на территории Сибири стали создаваться ЧК, личный состав которых после белочешского мятежа и падения власти большевиков был вынужден уйти в подполье. Часть из них воевала на стороне красных партизан, а после восстановления власти большевиков уцелевший личный состав стал частью вновь созданных ЧК. До 1922 г. сотрудники сибирских ЧК участвовали в подавлении крестьянских мятежей, а также осуществляли борьбу с организованной уголовной преступностью [5].

В 1921 г. было принято решение «о замене продразверстки продналогом» в 1921–1922 гг., что послужило сигналом о переходе к НЭПу. Стоит отметить, что в течение переходного периода с 1921 по 1922 гг., на сибирскую деревню была возложена обязанность помогать четырем губерниями, которые пострадали от голода [3, с. 43, 65].

После окончания Гражданской войны назрела необходимость полного установления и сохранения политической власти большевиков. Что в свою очередь привело к необходимости реорганизации ВЧК, которая в 1922 году передала свои полномочия Главному политическому управлению (ГПУ) при НКВД РСФСР. Т. е. произошел процесс трансформации специальной службы, которая с 1917 по 1922 гг. осуществляла решение по большей части специальных задач военного времени, к специальной службе, которая в течение почти всего 1922 г. была подведомственна центральному органу государственного управления РСФСР по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка (НКВД РСФСР) и вошедшая в состав вновь созданного Объединенного государственного политического управления при СНК СССР. К исходу 1922 г. специальная служба СССР стала решать задачи, необходимые в целях реализации внутренней политики, проводимой СНК, т. е. в обязанности ОГПУ по большей части входил процесс решения задач мирного времени при решении ряда задач, связанных с ликвидацией «белого подполья».

Переход к НЭПу сопровождался борьбой с бандитизмом, которую можно назвать отголосками Гражданской войны. В целом в Сибири шла ожесточенная борьба, о чем свидетельствуют следующие данные: «за период с 16 марта по 21 ноября 1922 г. Сиббюро ЦК РКП(б) 40 раз обсуждало вопросы борьбы с бандитизмом, а в период с 21 ноября 1922 г. по 1 марта 1923 г. еще

восемь раз. В 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР неоднократно вводили военное и чрезвычайное положение в уездах Сибири». Повстанческое движение в Сибири в ходе ожесточенной борьбы с органами правопорядка к концу 1922 г. сошло на нет, так как общая численность бандформирований снизилась в 8 раз. В то же время, отголоски восстаний были слышны на территории Сибири в течение 1920-х гг. [6, с. 258–268].

Рассмотрим тезисы, выдвинутые В.И. Лениным в работе «О диктатуре пролетариата», которые позволяют понять специфику классово-войсковой борьбы:

- «Подавление сопротивления эксплуататоров ... особая (высшая) ожесточенность классово-войсковой борьбы» [7, с. 47–80]. Данный тезис позволяет понять ту ожесточенность, с которой шла Гражданская война 1917–1922 гг. Взяв политическую власть в свои руки (руки большевиков и авангарда русского пролетариата), рабочий класс стал вести борьбу со всеми другими классами. Высшая степень ожесточенности достигла своего апогея («красный террор», в противовес «белому террору»).

- Нейтрализация мелкой буржуазии, особенно крестьянства ... Говоря о крестьянстве как о классе, В.И. Ленин считал его «самым опасным врагом ... с которым мы поэтому должны бороться хитростью» (ввиду многочисленности) [1, с. 47–80]. На деле так и получилось. Переманив в свой стан крестьян Европейской части России, большевики дождались момента, когда от белых отвернутся другие, в том числе крестьяне Енисейской губернии, а победив белых, развернули на деревне новый виток классово-войсковой борьбы, в которой главным антагонистом, по всем основам марксизма-ленинизма, стали крестьяне. Притом, что и сами крестьяне не особо ассоциировали себя с большевиками и пролетариями, о чем свидетельствуют данные «партийной статистики за 1924 г., согласно которым только 66 тыс. человек числились в РКП(б) из 100 млн крестьян». Из Гражданской войны крестьянство вышло единой массой, но массой голодной (которая бунтовала и против белых, и против красных). Просчеты большевиков в плане осуществления экономических задач вылились в многомиллионный голод ввиду неурожая 1923–1924 гг. Только в сибирской деревне «посевные площади с 1917 по 1922 гг. сократились с 5,88 млн до 3,1 млн десятин ... С 1920 по 1922 гг. площадь посева на одно хозяйство уменьшилась с 5,6 до 2,0 десятин» [8, с. 224].

В целях исправления складывающейся ситуации в стране, пережившей Гражданскую войну и интервенцию, была введена политика НЭПа. Важно отметить, что «НЭП начался и закончился голодом». На деревне политика НЭПа привела к тенденции, согласно которой под критерии кулачества мог попасть любой середняк

и уж тем более зажиточный крестьянин, так как точного определения термину «кулак» не существует. Данный термин выглядит больше как ярлык, который можно было повесить на кого угодно. Важно отметить, что в ходе осуществления своей деятельности комиссия по обследованию сибирской деревни в 1925 г. кулачества как класса не выявила. В выводах было сказано, что есть середняки, которые в обозримом будущем могут стать кулаками, но на деле от 15 до 50 % признавались кулаками [2, с. 102]. Главной задачей «НЭПа было восстановление производственных процессов» с целью перекачки ресурсов из деревни в бюджет государства.

С 1922 г. ввиду болезни В.И. Ленин практически не принимал участия в политической деятельности. Во властных структурах страны Советов стала возвышаться личность И.В. Сталина, который в том же году занял пост Генерального секретаря ЦК РКП(б). «В период с 1921 по 1927 гг. И.В. Сталин являлся сторонником ленинского плана». НЭП понимался И.В. Сталиным в качестве «особой политики пролетарского государства, которая рассчитана на допущение капитализма при наличии командных высот» в его руках, он видел возможность борьбы, которая «рассчитана на победу социалистических элементов над капиталистическими», через уничтожение классов [9, с. 111, 112].

Политика НЭПа привела в 1925 г. к появлению в деревнях класса зажиточных крестьян. Появление 25 млн безработных привело к легализации наемного труда на деревне. Антагонистами зажиточных крестьян стали бедняки, которые высказывали свое стремление к «разжиганию классово-войсковой борьбы». Что в итоге привело в 1927 г. к широкому применению таких терминов, как «кулак» и «кулацкое хозяйство». Отчасти данная тенденция стала следствием продовольственного кризиса 1927–1928 гг. Кулаками стали именовать крестьян, которые «выбрасывали на рынок только то количество хлеба, которое позволяло иметь деньги на уплату налога и других нужд» [2, с. 266].

Важно отметить, что Земельный кодекс РСФСР, по сути дела, проводил в жизнь аграрную программу эсеров, так как предполагал не только национализацию земли и передачу ее в собственность народа, но и возможность использования права трудовой аренды [3, с. 153].

И.С. Степичев приводит данные, согласно которым в 1922 г. посевная площадь в Сибири, достигла значения в 57 % от довоенного уровня, а в 1927 г. — 116 % [10, с. 255]. Это позволяет говорить о некоторых успехах в сельскохозяйственной отрасли в годы НЭПа в сибирской

деревне и стало возможным благодаря внедрению элементов.

В период НЭПа из категорий зажиточных и середняков легко можно было выделить «кулаков», которые рассматривались в качестве яркого классового врага. В борьбе с ними большевики надеялись использовать бедняков. Одним из инструментов борьбы с зажиточным крестьянством стало лишение отдельных категорий избирательного права.

В 1927 г. по результатам работы сибирских статистических органов было выявлено, что в процентном соотношении разделение классов в деревне (по хозяйствам, исходя из стоимости производства) выглядит следующим образом: бедняки – 32 %, середняки – 60 %, а со стоимостью средств производства более 1 400 р. – 8 % (автор указывает их как кулацкие) [11, с. 44]. Что позволяет говорить о том, что «раскулачиванию» могли быть подвержены 68 % хозяйств в сибирской деревне.

Усугубляла ситуацию на территории Приенисейской Сибири налоговая политика руководства страны в отношении крестьян. Так, «советская система налогообложения для сибирских крестьян была представлена обязательными сборами и контракциями в виде единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН), самообложения, «твердых» заданий, гарнцевого сбора, военного налога и пр. При том, что налоговые поступления «от крестьян» составляли фундаментальную основу бюджета СССР, и цены на промышленные товары были явно завышенными, ситуация в деревне привела к нарастанию противоречий между крестьянством и органами власти. Кризис по заготовке хлеба, разразившийся в 1927–1928 гг. привел к ужесточению налоговой политики в отношении крестьян, которое привело к тому, что крестьяне-бедняки освобождались от налогов, а лица, вступившие в колхозы, стали «льготниками по налогам», в то время как порядка 40 % ЕСХН было переложено на кулацкие хозяйства. Еще одной движущей силой ужесточения налоговой политики был поиск средств на сталинскую индустриализацию. Что же касается непосредственного участия сотрудников ОГПУ в реализации налоговой политики государства в отношении кулацких хозяйств, то оно было минимальным. В целях пресечения антисоветских настроений уже в 1927 г. сотрудниками ОГПУ на территории Приенисейской Сибири была налажена агентурная работа, которая позволяла узнавать о событиях на местах и соответственно реагировать. Сотрудники ОГПУ регулярно доводили до органов власти информацию о том, что катализатором протестных настроений в

деревне является налоговая политика СССР, в том числе и методы ее реализации [12, с. 230–257].

Активными исполнителями налоговой политики СССР в Приенисейской Сибири были «уполномоченные советских органов, милиционеры с целой армией сельских активистов». «Главным методом борьбы с саботажниками власти сделали законодательно определенные репрессалии (штрафы, описи имущества с последующей продажей с торгов, привлечение к уголовной ответственности), которые носили классовый характер». Проводимая налоговая политика в части хлебозаготовок привела к ее саботажу со стороны крестьян, в результате чего органы власти пришли к мнению о том, что в целях реализации данной налоговой политики необходимо привлечь сотрудников ОГПУ. 17 января 1928 г. была издана директива, направленная в том числе в Сибрайком ВКП(б), которая предполагала привлекать «к ответственности органами ОГПУ “кулаков” как злостных спекулянтов». В итоге сотрудники ОГПУ реализовали целую кампанию по выявлению и наказанию саботажников по хлебозаготовкам, состоящих сплошь из «кулаков» [12, с. 230–257].

В период НЭПа результатом классовой борьбы была наработка нормативно-правовых актов, а также практика навешивания ярлыка – «кулак» с целью классовой борьбы с отдельными категориями из числа крестьян.

В зажиточном крестьянстве руководство партии видело причину хлебозаготовительного кризиса 1926–1929 гг. Данный кризис ставил под угрозу намеченную сталинскую индустриализацию. Большевикам было проще объявить классовую борьбу зажиточному крестьянству, чем признать крайне низкие государственные цены на хлеб. Только за 1929 г. в сибирской деревне было выселено приблизительно 2 тыс. семей со своего места жительства. Стоит отметить, что имущество переселенных семей подлежало экспроприации [7, с. 85, 128].

Спусковым механизмом к проведению «сплошной коллективизации» стала статья И.В. Сталина «Год Великого перелома», опубликованная 1 августа 1928 г.

Хлебозаготовительный кризис привел к тому, что «27 декабря 1929 г. И.В. Сталин провозгласил лозунг: “Ликвидация кулаков как класса на базе сплошной коллективизации”» [9, с. 88]. Что на практике вылилось в стремление организовать на деревне колхозное хозяйство, в которое априори стремилось войти все бедняцкое население деревни посредством уничтожения середняков как класса. Вполне очевидно, что крестьянские массы из числа середняков, на которых в

хаотическом порядке вешался ярлык кулачества, стали сопротивляться. Недовольство крестьянства стало усиливаться после того, как назрела «необходимость, усиления хлебозаготовок и выкачивания средств из крестьянских хозяйств на развитие промышленности, причем в неэквивалентных пропорциях» [13, с. 35–43].

Очевидно, что в условиях роста протестной активности крестьянства воплотить задуманное можно было только насильственным образом». Далее, уже в 1929 г., «Политбюро ЦК предложило НКЮ обеспечить максимальную быстроту осуществления репрессий в отношении кулацких террористов. На следующий день заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода в специальном циркуляре предписал все дела кулацкого террора в деревне, как законченные, так и находящиеся в следственном производстве, передавать незамедлительно в суды соответствующей инстанции. Их ни в коем случае нельзя было квалифицировать как бандитские». Такое положение дел привело к тому, что «любые проявления недовольства и социальной напряженности подпадали под политизированные огульные обвинения в антисоветской деятельности и терроризме со стороны зажиточной части крестьянского населения, что было озвучено в специальном письме ЦК ВКП(б) от 8 января 1929 г. № 906/сс об обострении классовой борьбы». В итоге в том же 1929 г. было принято решение об «усилении применения репрессивных мер по высылке зажиточных крестьян, уклонявшихся от выполнения заданий по хлебозаготовкам. При этом дела, требующие немедленных репрессивных действий, могли рассматриваться во внесудебном порядке» [13, с. 35–43].

Главным инструментом борьбы с крестьянством как классом были органы ОГПУ. В условиях свертывания новой экономической политики, а также усиления личной власти И. В. Сталина в конце 1920-х гг. была реализована идея ликвидации НКВД и подчинения милиции ОГПУ [15, с. 14–19]. В итоге в преддверии решающей фазы классовой борьбы с крестьянством органы ОГПУ заняли главенствующее положение в правоохранительной системе СССР.

В 1930 г. кампания ВКП(б) получила свое развитие после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г., которое, в свою очередь, дало импульс к изданию приказа ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г., суть которого сводилась к «ликвидации кулацкого актива и массовому выселению кулаков и их семейств в северные районы СССР с конфискацией имущества. В целях реализации политики ВКП(б) был реализован проект по созданию так называемых «троек» при

«полномочных представительств ОГПУ представителями от крайкомов ВКП(б) и прокуратуры. Суть деятельности данных «троек» сводилась к возможности проведения «быстрого следствия и рассмотрения дел во внесудебном порядке». Однако принятые со стороны государства меры привели к росту недовольства со стороны крестьянства, которое противилось насильственной коллективизации, и в качестве протеста были сокращены посевы, также в ряде случаев отмечался убой скота. Дело дошло даже до вооруженных столкновений, которые иногда переросли в боевые действия. Всего в крестьянских восстаниях за 1930 г. приняли участие приблизительно 2,5 млн чел., а число самих восстаний превысило отметку в 10 тыс. Такое положение дел привело к реакции со стороны руководства СССР. И.В. Сталин написал письмо «Головокружение от успехов», которое было опубликовано 2 марта 1930 г. В том же месяце было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» [13, с. 35–43].

В сборнике документов и материалов «История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири» приводятся статистические сведения Красноярского окрколхоза о социальном статусе колхозов округа на 15 апреля 1930 г. Согласно этим данным, батраков было 22,1 %, бедняков — 34,2 (вместе 56,3%); середняков — 36,9; зажиточных — 0,5; служащих — 5,4; прочих — 0,8 % [15, с. 139].

В колхозы стремились крестьяне из числа бедняков, а также вступали и середняки, и зажиточные крестьяне, по всей вероятности, из-за страха перед проводимой классовой политикой, которая осуществлялась репрессивными методами.

Публикация письма И.В. Сталина «Головокружение от успехов», привела к фактическому развалу колхозов посредством массового выхода из них крестьян, которые «забирали свой обобществлённый скот и инвентарь». Важно отметить, что из колхозов выходили все без исключения категории крестьян. К осени 1930 г. колхозное движение стабилизировалось [7, с. 119, 124].

В 1931 г., усилиями заместителя председателя СНК СССР А.А. Андреева, который возглавил специально созданную комиссию, была проведена кампания, нацеленная на ликвидацию кулацких хозяйств, которая продолжалась с февраля по сентябрь. Данная комиссия была упразднена в марте 1932 г., но и после ее упразднения борьба с кулаками была продолжена, а их самих обвиняли в различных преступлениях, таких как «невыполнение заданий по хлебозаготовкам, хищения колхозной продукции, отказ от работы и др.». Итогом проводимой политики со стороны органов власти СССР стал голод 1932–1933 гг., что привело к переориентации деятельности органов

ОГПУ на «борьбу с вредительством в колхозах и совхозах, с массовыми хищениями колхозного и совхозного имущества, на усиление репрессивных мер против кулацких элементов, воров и саботажников». В период с 1935 по 1936 гг. роль органов госбезопасности как инструмента насаждения индустриальной основы производственных отношений в деревне несколько снижается. В 1934 г. органы ОГПУ были переданы в подчинение НКВД [13, с. 35–43].

В сибирской деревне процессы раскулачивания и коллективизации были ознаменованы настоящими крестьянскими бунтами, в целях подавления которых руководство страны стало привлекать органы государственной безопасности (ОГПУ). Важно отметить, что в начале 1930-х гг. на территорию Енисейской Сибири было отправлено приблизительно 100 тыс. чел. из числа крестьян-спецпереселенцев [16, с. 5].

Процессы по сплошной коллективизации и раскулачиванию сопровождались пытками, издевательствами и расстрелами, при том, что наиболее жестокие меры были применены к крестьянам, имевшим наиболее зажиточные хозяйства. Что, в свою очередь, привело к крестьянскому выступлению против подобных мер. Пик данных выступлений был зафиксирован в 1930 г. Главная проблема для реализуемой государственной политики виделась в участии в крестьянских выступлениях «бывших красных партизан и массовое протестное движение женщин в ходе коллективизации. На территории современных Иркутской области и Красноярского края в 1927–1933 гг. были отмечены сотни подобных выступлений. Однако большинство недовольных партизан в 1930–1933 гг. были истреблены, а ответом на женский протест стало активное вовлечение крестьянок в мероприятия Советской власти» [17, с. 176].

А.А. Макарова пишет о том, что по мере реализации процессов коллективизации и раскулачивания в 1928–1930 гг. отношение бывших красных партизан к политике партии изменилось, от попытки найти компромисс, до вооруженного сопротивления. Бывшие красные партизаны вступили в борьбу с исполнителями на местах только в 1930 г., что несколько позже, чем основная масса крестьян. Ввиду того, что, они вели борьбу против белых в годы Гражданской войны (предопределяло их лояльность советской власти). Конкретные случаи на местах, привели к неповиновению и в целом изменению отношения к правящему режиму [7, с. 47, 48].

В 1929–1930 гг. налоговая политика в части хлебозаготовок на территории Приенисейской Сибири вылилась в стремление «крестьян к укрытию объектов налогообложения». Что

привело к тому, что органы власти разработали новый метод борьбы в целях противоборства с саботажниками, который получил название «урало-сибирский», суть которого заключалась в применении к саботажникам различных статей УК, при том, что в качестве приоритетной использовалась ст. 58 (контрреволюционная деятельность). К «органам ОГПУ обращались органы власти, сельские коммунисты или беднота» в тех случаях «когда встречали сопротивление односельчан». А в ряде случаев со стороны партийных органов выдавались обязательства о проведение внесудебных действий. Так «16 октября 1929 года Канский окружком ВКП(б) обязал начальника окружного отдела ОГПУ Я.Я. Веверса к вынесению ряда внесудебных решений в отношении саботажников» [5, с. 230–257].

Процесс выкачивания ресурсов из деревни в пользу сталинской индустриализации привел к перебоям в торговле хлебом. Протестные настроения в деревне в ответ на проводимую со стороны государства налоговую политику приводили к различным актам вредительства, которые выражались в поджогах, воспринимавшихся органами ОГПУ как акты террора, что, в свою очередь, приводило к применению самых жестких мер. Дело стало доходить до физической расправы над коммунистами и активистами. «В целом по Сибирскому краю количество терактов со смертельным исходом в 1928–1929 гг. возросло с 406 до 756». «Более частыми и ощутимыми стали случаи «вредительства» в государственных и коллективных хозяйствах». Население деревень на территории Приенисейской Сибири охватила «атмосфера безумия». В качестве противовеса кулакам, придерживавшимся протестных настроений, на деревне стала расти прослойка активистов, которые ненавидели «кулаков». Процессы «раскулачивания» сопровождались массовой высылкой «кулаков», и только на «первом этапе «раскулачивания» в енисейских округах были ликвидированы 10,6 тыс. крестьянских хозяйств», из них более половины перестало существовать по итогам выселения [5, с. 306–373, 417].

На первых порах протест зажиточного крестьянства в Енисейской деревне по отношению к развернутой со стороны государства классовой борьбе «выражался в формах «пассивного сопротивления»» (саботаж хлебозаготовок, уклонение от уплаты налогов и т. п.) [5, с. 443]. Далее стали возникать стихийные массовые восстания, которые стали следствием политики государства, направленной на выселение зажиточных крестьян, на которых вешался ярлык кулачества, часть из них образовывала малочисленные и слабо вооруженные банды. В

ряде случаев противниками коллективизации стали бывшие партизаны. В целом же проводимая политика по раскулачиванию и коллективизации привела к ликвидации середняков как класса и созданию и развитию колхозов, эффективность которых оставляла желать лучшего, что привело к значительному падению уровня жизни в деревне, а в ряде случаев и голоду. «К 1930 г. поголовье рогатого скота в Енисейской деревне уменьшилось на 26,9 %, поголовье лошадей — на 28,3 %, а семенной фонд был заготовлен лишь на 43 % от необходимого объема»; массовый голод разразился в 1932–1933 гг.» [5, с. 543].

В период с 1928 по 1933 гг. динамика арестов неуклонно росла. Так из 100 % всех арестов в указанный период 30 % пришлось на 1928–1930 гг., а остальные 70 % были осуществлены в течение 1931–1933 гг. Из общего числа арестованных 24 % представляли собой классы, чуждые большевикам (белогвардейцы, «красные партизаны», лишенцы и т. п.) «Основной массой арестованных были крестьяне» [7, с. 78]. У лиц, которые были обвинены в кулачестве, все имущество экспроприировалось. Так, «с 6 февраля по 1 марта 1930 г.» в различных районах Красноярского округа было экспроприровано имущества на сумму 1 008 526 р. [7, с. 130].

Процесс классовой борьбы большевиков с крестьянством был ознаменован откровенным грабежом, переселением в плохо пригодные для жизни места, арестами, приговорами и т. п.

В итоге ценой ни в чем не повинных жертв были сломлены многовековые устои в енисейской деревне через уравнивание «видовых классов» к последующему выделению различных категорий крестьянства, из числа которых определялись неугодные, на которых вешался ярлык «кулака». При том что данные процессы находили свое отражение в различных нормативно-правовых актах, которые предполагали применение к «неугодным» репрессивных методов, а главным инструментом их проведения в жизнь были органы государственной безопасности. На денежные средства, выкачанные из деревни, в СССР стала

осуществляться сталинская индустриализация. Особая роль в реализации классовой политики принадлежала органам государственной безопасности, которые были лишь инструментом политики партии большевиков.

Принятая в 1936 г. Конституция СССР, по сути дела, стала знаменем победы в ходе классовой борьбы, провозгласив победу социализма и впервые установив в стране Советов «всеобщее прямое равное избирательное право при тайном голосовании», что однозначно можно трактовать как переход к бесклассовому обществу.

Этапы трансформации органов государственной безопасности можно условно соотносить с этапами построения социализма: ВЧК — Гражданская война — 1917–1922 гг.; ГПУ — ОГПУ — НЭП — коллективизация и раскулачивание. Переход от НЭПа к коллективизации обусловлен возвышением ОГПУ в системе правоохранительных органов; процесс вхождения ОГПУ в состав НКВД в 1934 г. был обусловлен преодолением кризисных явлений в советской деревне.

Можно сделать вывод о том, что реализация большевиками на практике теории классовой борьбы привела к многомиллионным жертвам «во имя строительства социализма». Который, по сути дела, стал итогом процесса разрушения веками выстраиваемого российского государства с одновременно прошедшим процессом по уничтожению российской культуры, экономики посредством смены собственников. Данными собственниками на первых порах стали подпольщики-революционеры, которые были практически истреблены И.В. Сталиным, сменившим в ходе репрессий большую часть государственного и партийного аппарата. Одержав победу над целым рядом классов в ходе Гражданской войны в 1922 г., руководство партии большевиков вступило в борьбу с самым многочисленным классом — крестьянством, победа над которым была ознаменована принятой в 1936 г. Конституцией СССР.

Литература

1. Розин Э. Ленинская мифология государства. М.: Юрист, 1996. 320 с.
2. Северьянов М.Д., Анисимова Л.Ю. Революция как историческое явление: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 324 с.
3. Северьянов М.Д. НЭП и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 318 с.
4. Лубянка. ВЧК - ОГПУ - НКВД - НКГБ - МГБ - МВД - КГБ 1917-1960: справ. / сост. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. М.: Издание МФД, 1997. 352 с.
5. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири, 1918-1929 гг.: моногр. М.: АИРО-XXI, 2007. 287 с.
6. Исаев В.И. Долгое эхо Гражданской войны: вооруженное сопротивление советской власти в Сибири в начале 1920-х гг. // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. всерос. науч. конф. (24-25 нояб. 2017 г.). Сургут: Изд-во «Печатный мир», 2017. С. 258-268.
7. Макаров А.А. Власть и общество в Сибири: 1927-1933 гг. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 184 с.

8. Северьянов М.Д. Присяянье на перепутье эпох: люди, события, факты: моногр. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 418 с.
9. Северьянов М.Д. Страницы истории и жизни: препринт. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2011. 290 с.
10. Степичев И.С. Победа ленинского кооперативного плана в восточно-сибирской деревне. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. 742 с.
11. Боженко Л.И. Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (1919-1927 г.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969. 210 с.
12. Шекшеев А.П. Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Минусинск, 2021. 664 с.
13. Мозохин О.Б. Основные направления деятельности органов ОГПУ - НКВД в сельском хозяйстве СССР в 1920-1930-е гг. // Вестн. НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 35-43.
14. Камалова Г.Т. Подразделение ВЧК - ГПУ - ОГПУ в системе органов государственной власти // Вестн. Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Право. 2012. № 7 (266). С. 14-19.
15. История коллективизации сельского хозяйства в Восточной Сибири (1927-1937 гг.): документы и материалы: сб. / сост. А.Н. Борисова. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. 319 с.
16. Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг.: на материалах Красноярского края: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001. 277 с.
17. Ефремов И.В. Антибольшевистские крестьянские выступления в Иркутской области в Красноярском крае в 1918-1933 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 176 с.